

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107>

Образ Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х годов

Л.Р. Габдрафикова^{1,2*}, Ф.Р. Садриев¹

¹ *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ*

² *Казанский научный центр РАН*

Казань, Российская Федерация

** bahetem@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается формирование «канонического» образа Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х гг. Источниковую базу составляют материалы газет «Татарстан», «Кызыл Татарстан» и «Эшче», журнала «Безнең юл», а также «Татарских календарей» начала 1920-х гг. Показано, что раннесоветская пресса опиралась на дореволюционные мемуарные сюжеты, опубликованные в журнале «Шура» в 1912–1913 гг., однако усиливала конфликтность биографии Насыри через противопоставление «старого порядка» и «нового мира», а также через противостояние просветителя с мусульманским духовенством и купечеством, что сближало его идеи с задачами советского культурного строительства. Выявлены основные тематические и смысловые акценты публикаций: в 1922–1925 гг. фигура Насыри сначала связывается с идеями «обновления» татарского общества, а к середине десятилетия все чаще интерпретируется в рамках классового подхода. Определены ключевые элементы образа («Каюм бабай», «слуга народа», «борец за свет и знание», «уятучы», т.е. пробудивший), а также показана роль периодической печати и юбилейных кампаний 1922 и 1925 гг. в закреплении его символического статуса.

Ключевые слова: Каюм Насыри; история татар; татарская периодическая печать; 1920-е годы; татарские печатные календари; мусульманское духовенство; купечество; джадидизм

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Садриев Ф.Р. Образ Каюма Насыри в татарской периодической печати 1920-х годов. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С. 94–107.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107>

Image of Kayum Nasyri
in the Tatar Periodical Press of the 1920s

L.R. Gabdrafikova^{1,2*}, F.R. Sadriev¹

¹ Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

² Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

* bahetem@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of the “canonical” image of Kayum Nasyri in the Tatar periodical press of the 1920s. The source base consists of materials from the newspapers *Tatarstan*, *Kyzyl Tatarstan*, and *Eshche*, the journal *Bezneng Yul*, as well as the *Tatar Calendars* of the early 1920s. It is shown that the early Soviet press relied on pre-revolutionary memoir plots published in the journal *Shura* in 1912–1913; however, it intensified the conflict in Nasyri’s biography by contrasting the “old order” with the “new world”, as well as through the enlightener’s opposition to the Muslim clergy and merchant class, which brought his ideas closer to the tasks of Soviet cultural construction. The main thematic and semantic accents of the publications are identified: in 1922–1925, the figure of Nasyri was first associated with the ideas of “renewal” of Tatar society, and by the middle of the decade, it was increasingly interpreted within the framework of a class approach. Key elements of the image are determined (“Kayum Babay”, “Servant of the People”, “Fighter for Light and Knowledge”, “Uyatuchy”, i.e., “The Awakener”), and the role of the periodical press and the jubilee campaigns of 1922 and 1925 in consolidating his symbolic status is shown.

Keywords: Kayum Nasyri; History of the Tatars; Tatar periodical press; 1920s; Tatar printed calendars; Muslim clergy; Merchant class; Jadidism

For citation: Gabdrafikova L.R., Sadriev F.R. Image of Kayum Nasyri in the Tatar Periodical Press of the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 94–107.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.94-107> (In Russian)

Введение. В 2025 г. Республика Татарстан отметила 200-летие со дня рождения выдающегося татарского деятеля, педагога и ученого-этнографа Каюма Насыри (1825–1902). Своей яркой деятельностью он внес особый вклад в развитие татарской культуры рубежа XIX–XX вв. Основным лейтмотивом его жизни можно назвать призыв к интеграции татар-мусульман в российское социокультурное и правовое пространство. Для реализации такого подхода он основал русско-татарскую школу, выпускал календари со всевозможной информацией, адаптированную светскую литературу различной направленности на татарском языке и т.д. При этом одним из очевидных инструментов продвигаемой им интеграции был рус-

ский язык. Поэтому неслучайно его деятельность получила определенное признание в образованных кругах татарского общества лишь в начале 1910-х гг., когда открытие русско-татарских школ, русских классов при медресе или обучение татарских детей в других русских учебных заведениях воспринималось как обыденное явление и не вызывало негативных эмоциональных выпадов со стороны старшего поколения татар. Революционные события 1917 г. и последовавшие за этим советские преобразования закрепили это положительное отношение к фигуре К.Насыри. В первые годы после установления советской власти происходил пересмотр историко-культурного наследия народов России и выстраивались новые идеологические ориентиры. Молодая Татарская автономия советского образца нуждалась в собственных героях, и в этом советском «пантеоне» одним из первых фигур стал К.Насыри.

Несмотря на то, что биография К.Насыри и его наследие неоднократно становились объектами научного изучения и на протяжении советского периода истории (Гайнуллин, 1975), и на современном этапе (Загидуллин, 2024; Каюм, 2017; Хабибуллина, 2025); [6], мы сочли важным обратить внимание на 1920-е гг. – время оформления канонического образа татарского просветителя. Именно этот период определил дальнейший вектор развития науки и культуры в Татарстане.

Для этого были проанализированы материалы татарской периодической печати раннесоветских лет, изданные как в Татарской республике, так и за ее пределами. Публикации в газетах «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») ¹, «Эшче» («Рабочий») ², а также в журнале «Безнең юл» («Наш путь») ³ и «Татарских календарях» позволяют определить роль наследия К.Насыри и раскрыть отношение татарской общественности к его личности в первые годы советской власти. При этом часть этих публикаций была переиздана в сборниках материалов [2; 7]; (Рәхим, 1922).

Газета «Эшче» – центральная рабочая газета – в разные годы выходила в Москве и Казани. Орган Центрального и Казанского комитетов РКП(б); в рассматриваемый период, т.е. с апреля 1921 г. – Центрального бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов при РКП(б) и Наркомата по делам национальностей, с октября 1923 г. – Центрального бюро Татаро-башкирской секции при РКП(б), с января 1928 г. – Татаро-башкирского бюро при ЦК ВКП(б), с 1930 г. – Совета Национальностей ЦИК

¹ История издания берет свое начало с 12 марта 1918 г., когда вышел первый номер газеты «Эш». Позднее название газеты неоднократно менялось: «Татарстан хәбәрләре» (1920–1922), «Татарстан» (1922–1924), «Кызыл Татарстан» (1924–1951), «Совет Татарстаны» (1951–1960), «Социалистик Татарстан» (1960–1992). С февраля 1992 г. – «Ватаным Татарстан».

² Издавалась с 1918 по 1931 г.

³ Издается с мая 1922 г. под разными названиями: «Безнең юл» (1922–1930), «Атака», «Яңалиф» (1930–1932), «Совет әдәбияты» (1933–1965), «Казан утлары» (с 1965 г.).

СССР [12, с. 149]. В газете, в частности, публиковались материалы о работе съездов коммунистических организаций, а также о ходе Гражданской войны, о реализации новой экономической политики в 1920-х гг. [12, с. 150].

Журнал «Безнең юл» объединял татарских литераторов, журналистов и ученых, став одной из центральных площадок для формирования культурной и интеллектуальной жизни в послереволюционные годы. Издавался «Безнең юл» в Казани [12, с. 55]. С первых лет существования журнала на его страницах преобладали литературные произведения. На страницах «Безнең юл» значительное внимание уделялось проблеме развития татарской культуры, театра, литературы и искусства, а также вопросам сохранения исторической памяти.

Кроме того, в начале 1920-х гг. в Казани выпускались «Татарские календари». Формально они выглядели как продолжение дела Каюма Насыри. Но по своему содержанию татарские календари начала 1920-х гг. были совершенно другими и нацелены на внедрение новых советских установок в широкие народные массы.

В 1920-е гг. интерес к персоне К.Насыри был приурочен к официальным датам: 20-летию со дня смерти К.Насыри (1922) и 100-летию со дня его рождения (1925). Так, в журнале «Безнең юл» (1922, № 3) появилось сообщение о сборе материалов к 20-летию со дня смерти «Каюм Насыри мәжмугасы» (Рәхим, 1922). Позднее, действительно, был издан специальный сборник (Каюм, 2022). В 1925 г. в этом же журнале появилось сообщение о необходимости празднования 100-летия со дня рождения К.Насыри и издания его трудов (Каюм, 2025). Это была резолюция заседания Центральной научной редакционной коллегии Наркомпроса Татарской Республики. Коллегия предложила: 1) провести открытое собрание для широкого круга, раскрыть роль Насыри и разобрать его труды; 2) ходатайствовать об учреждении в Институте журналистики стипендии имени К.Насыри; 3) переименовать улицу Евангелистов в улицу Каюма Насыри; 4) обратиться в соответствующие организации для проведения юбилейных мероприятий [5, б. 22–23]. Несмотря на приглашение широкого круга читателей к открытому обсуждению роли личности К.Насыри в истории татарского народа, в этом проекте уже был задан определенный вектор развития. На это указывает и общая тональность публикаций в периодической печати 1922–1925 гг. Пожалуй, немного выбивается из общего ряда публикация Г.Рахима уточняющего характера в журнале «Безнең юл» (1922 г.) [9] и его же объемное историко-биографическое исследование, опубликованное в 2020 г. в юбилейном сборнике [8]. Таким образом, анализ публикаций начала 1920-х гг. позволяет увидеть, как в советской печати формировался образ народного просветителя К.Насыри.

Стоит обратить внимание и на основных авторов публикаций о К.Насыри в периодической печати – это не просто представители советской татарской интеллигенции, но и люди из числа «ответственных работ-

ников», которые занимали различные должности при новой власти и специализировались в основном на вопросах пропаганды и агитации. Это Галимджан Ибрагимов (1887–1938), Гилемдар Баимбетов (1886–1933), Мухитдин Курбангалиев (1873–1941), а также ученый Гали Рахим (1892–1943) и др.

Основные элементы советского образа К.Насыри. Базой для формирования советского образа К.Насыри стали воспоминания о нем, опубликованные в татарском журнале «Шура» в 1912–1913 гг., по инициативе редактора издания Р.Фахреддина (Каюм, 2017). В них уже был обозначен особый образ жизни К.Насыри и по-своему уникальный для 1870–1890-х гг. род деятельности татарского просветителя, его склонность к интроверсии и т.д. Авторы 1920-х гг. продолжали эту линию, но усиливали моменты конфликтности его личности и общества, противопоставления «старого» и «нового» и т.д. Несмотря на то, что в начале 1920-х гг. наблюдался определенный идеологический плюрализм и мусульманское духовенство еще не испытывало открытого давления со стороны новых властей, в информационном поле уже формировался их негативный образ.

Это соотносится с тем, как в целом формулировался национальный и религиозный вопрос в раннесоветской политике. В.И. Ленин в тезисах по национальному и колониальному вопросам, подготовленных в июне – июле 1920 г. ко Второму конгрессу Коммунистического Интернационала, призывал к борьбе с «духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами...», а также с «панисламизмом и подобными течениями», которые, по его мнению, пытаются соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл (Шерстюков, 2021, с. 102).

Интересно, что в татарской культуре эти советские установки в какой-то мере продолжали уже сложившиеся в информационной сфере (периодической печати, художественной литературе, театральных постановках и т.д.) дореволюционные тренды на противопоставление сторонников светских знаний, новшеств и противников этих изменений. В роли последних в новой татарской литературе и публицистике (Г.Исхаки, Ф.Амирхан, Г.Тукай, Г.Камал и др.) тогда выставляли купцов, представителей мусульманского духовенства, а их оппонентами были молодые люди (шакирды, студенты и т.д.). В раннесоветские годы при репрезентации биографии К.Насыри работали по тому же лекалу. Например, в рассматриваемых публикациях противниками новшеств в медресе выступали муллы и баи, которых называли «фанатиками». Авторы подчеркивали, что капиталисты и духовные лица обучали только религии, но столкнувшись с конкуренцией, были вынуждены признать необходимость «русско-европейских» форм обучения [1, б. 1]. Конфликты объяснялись столкновением классовых интересов. На этом фоне К.Насыри показывали как проводника светских знаний и реформ.

Анализ публикаций 1922–1925 гг. показывает, что если вначале основной упор делался на взаимосвязь К.Насыри и движения «обновления» среди татар, то к середине десятилетия общественные явления начали оцениваться с позиций классового подхода. Это было обусловлено необходимостью обоснования создания в 1920 г. Автономной Татарской Социалистической Советской Республики и постепенным смещением акцента с национального аспекта на социально-политические вопросы.

Например, Г.Ибрагимов в своей публикации в газете «Татарстан» 1922 г. называет противников идеи татарской государственности (автономии) сторонниками унитаризма, панисламистами и пантюркистами [3]. В этой связи он обращается к фигуре К.Насыри и фактически перекидывает мост от него к советскому государству. При этом Г.Ибрагимов условно выделяет три периода литературно-культурной жизни татар: «кадим дәвер» (древний период), «яңару» (обновление), которое начинается с К. Насыри, и третий, начавшийся уже после Первой мировой войны и революции [3, б. 3]. Безусловно, Г.Ибрагимов во многом опирается на классовый подход при оценке общественно-политической жизни татарского народа (Фахрутдинов, 2006, с.84). Это прослеживается и в его тексте, и в расстановке акцентов. Он отмечает, что идеи «обновления» в чем-то переключаются и с мероприятиями советской власти по признанию права каждого народа на самоопределение.

К.Насыри в этих обстоятельствах представлен исторической фигурой, уже сталкивавшейся с идеей самоопределения и ее противниками. Г.Ибрагимов в одной из своих работ (1922 г.) цитирует высказывание К.Насыри, отражающее отношение его недоброжелателей к позиции ученого-просветителя в краеугольных вопросах татарской истории и татарского языка («Милләтебез халкын “татар” тәсмия кылсам, яратмадылар, теллебезне “татар теле” дисәм, яратмадылар») (Ибрагимов, 2017, б. 334–335). Однако, здесь, очевидно, межличностные конфликты К.Насыри XIX в. экстраполируются на противников идеи территориальной автономизации татар начала XX в., тогда как в его случае речь идет скорее о противниках русско-татарских школ, Татарской учительской школы и о других учреждениях, ассоциированных в народном сознании с правительственной политикой в сфере просвещения «иностранцев». Например, Г.Ибрагимов высоко оценивает работы К.Насыри по морфологии и синтаксису татарского языка [2, б. 3]. Однако надо признать, что данные исследования К.Насыри в свое время были, скорее всего, ответом на запрос со стороны миссионерского сообщества, заинтересованного в глубоком изучении татарского языка и культуры. Но в 1922 г. эти практики К.Насыри представляются в печати как его интуитивное понимание обособленности татар от «общего исламского мира».

В 1922 г. в журнале «Безнең юл» высоко оценена роль календарей К.Насыри в жизни татарского народа и подчеркнута их просветительская миссия, способность к «пробуждению народа». В этом процессе важное

место отведена знаниям из таких областей, как география, история, математика, естествознание. Как известно, К.Насыри работал во всех перечисленных направлениях и готовил переводные материалы. Вместе с тем авторы не забывают и о его роли в сохранении культурного наследия татарского народа и пишут, что он в своих календарях одним из первых опубликовал результаты исследований древнейшего периода татарской литературы («Безнең юл», 2022, б. 47). Из этого отрывка следует, что календари К.Насыри представлены советскими авторами как основной инструмент просвещения широких слоев татарского общества в условиях «старого порядка». В них всячески подчеркивается, что К.Насыри первым начал прокладывать дорогу к пробуждению татарского народа. Так, в статьях Г.Ибрагимова Каюм Насыри обозначен как основоположник, «открывший дорогу» («юл яручы, сукмак салучы») [2, б. 3] и «пробудивший» («уяту-чы») [3, б. 3].

В газете «Эшче» Г.Баимбетов также отмечает, что Каюм Насыри, приложив огромные научные, культурные и литературные усилия, положил начало новой эпохе. Г.Баимбетов часто использует такие выражения, как «эпоха пробуждения», «основоположник» и т.д. Интересно, что он связывает фигуру К.Насыри даже с джадидизмом. Например, по его словам, К.Насыри «заложил основы эпохи пробуждения» («уяну чорына нигез ташы салды»), что впоследствии стало основой движения джадидов [1, б. 1]. При этом, как отмечает автор, джадидидские преобразования начались еще при жизни К.Насыри, однако сам он не примкнул к «молодому поколению», не признал их («үз имичә»), равно как и некие мифические джадиды не приняли его. Хотя здесь уместно упомянуть о купцах А.Хусаинове, С.Аитове и других, которые активно общались с К.Насыри и в то же время выступали горячими сторонниками преобразований в системе конфессионального образования татар и других сторон жизни.

Вероятно, памятуя об этих моментах, Г.Ибрагимов в одной из своих публикаций отдельно отмечает и внеклассовый характер деятельности К.Насыри. Так, указывая на преемственность его трудов с новой эпохой, он отдельно проговаривает, что у К.Насыри «мы не встретим ни разговоров о революции, ни о классовой борьбе. И нет смысла искать в нем марксиста и материалиста» [2, б. 3]. Хотя для Г.Ибрагимова (и для ТАССР по умолчанию) К.Насыри важен как человек, который работал «в истории» и «вел вперед к науке», «разрушитель старого», прежде всего, старых способов мышления. Вместе с тем очень важно было показать близость К.Насыри с трудящимися массами, его постоянный труд, аскетичный образ жизни и т.д.

Например, периодика начала 1920-х гг. особенно часто подчеркивала издательскую деятельность Каюма Насыри. В публикациях делались подсчеты и приводились данные о том, сколько книг он издал, сколько лет он потратил на эту деятельность, и т.д. В «Татарских календарях» 1923 и 1924 гг. указывалось, что К.Насыри издавал подобные календари в течение

ние 25 лет, начиная с 1871 г. [10, б. 19; 11, б. 21]. На самом деле у К.Насыри были годы, когда он не выпускал календари по разным причинам (в 1886, 1887, 1895 гг.) (Миннулина, 2025, с. 76). Кроме того, отмечалось, что за 40 лет К.Насыри было издано около 40 книг. При этом подчеркивалось, что издавал он свои книги на свои средства [10, б. 19; 11, б. 21], однако в текстах не было намека на коммерческую деятельность или стремление к получению прибыли в этой сфере. В этих публикациях отдельно отмечен и «Татарско-русский словарь» К.Насыри.

По поводу календарей и их роли Г.Ибрагимов пишет и в февральском выпуске газеты «Кызыл Татарстан» в 1925 г. Для него это не «простые календари», а площадка, где продвигались научные знания, когда вокруг еще царила «схоластика». В своем материале он повторяет известные клише ориентального толка, разграничивая мир на Запад и Восток, противопоставляя «западные» знания (марксизм в том числе) и «восточные» (ислам и т.п.). Так, Ибрагимов не просто отмечает, что Каюм Насыри боролся с «восточной средневековой схоластикой» [2, б. 3], но еще и сумел связать последнюю с несуществующими на самом деле «панислаamistaми». Здесь можно предположить влияние и указанной выше статьи В.И. Ленина, и обнародованных дореволюционных архивов органов жандармерии, где имелся целый ряд дел о надуманном «панислализме». Позднее в этом же ключе будет сделана работа А.Аршаруни и Х.Габидуллина, опубликованная в 1931 г. в издательстве «Безбожник» (Аршаруни, 2002).

В 1920-е гг. возобновляется сбор новой информации о жизни и деятельности К.Насыри. Некоторые из этих материалов публиковались сначала в печати. В этой связи любопытны воспоминания М.Курбангалиева. Его нельзя назвать рядовым обывателем. Будучи выпускником Казанской татарской учительской школы и земским учителем, он фактически стал продолжателем дела К.Насыри, работал в разных уездах и в Казани. Именно эту связь он и обозначает в мемуарах, опубликованных впервые в газете «Кызыл Татарстан» в 1925 г., подчеркивая деятельность К.Насыри в сфере изучения и применения татарского языка [3, б. 3]. Вместе с тем, М.Курбангалиев в своем тексте противопоставляет К.Насыри как адепта идеи «народного» татарского языка и неназванных «знаменитых» деятелей – сторонников османского и арабского языков в высокой культуре татар. Среди них были хальфы (помощники преподавателя) из медресе д. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии, а также некий педагог и филолог из Казани. Из-за своей «татарской» позиции, по словам М.Курбангалиева, от своих оппонентов он слышал оскорбления вроде «ученик миссионера» (Корбангалиев, 2017, б. 500–501). Очевидно, в этом тексте автор не просто так упоминает «знаменитое» медресе Буби. В 1911 г. братья Габдулла и Губайдулла Буби обвинялись в «панислализме», но суд оправдал их, оставив за ними обвинение в революционной агитации из-за поведения шакирдов их медресе в 1905–1907 гг.

Для демонстрации конфликта между «старым» и «новым» миром авторы акцентируют внимание на неудачной попытке К.Насыри создать газету на татарском языке. Например, в журнале «Безнең юл» (1922 г.) приводится обращение К.Насыри к правительству с просьбой об издании газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»), на что получил отказ (Рәхим, 1922, б. 61).

В «Татарском календаре» 1923 г. отмечалось, что после смерти К.Насыри сыпались различные оскорбления в его адрес. При этом авторы объясняют враждебность со стороны анонимных лиц тем, что Насыри выступал против «медресе, необходимых для помещичьего периода» (*«алтавыт чоры өчен кирәк булган мәдрәсәләр»*) и поэтому его клеймили «неверный» (*«шуның өчен куфр печат бастылар»*). Вероятно, таким образом пытались синхронизировать историю татарских медресе с эпохой крепостного права, тем самым усилив устоявшееся деление на «старый порядок» и «новый мир». Противников К.Насыри называли «фанатиками» [10, б. 19]. В других источниках также фигурирует информация о том, что К.Насыри и при жизни оскорбляли, угрожали и называли «предателем» (*«сатлык»*) [Каюмова, 2024, с. 54].

Так, Г.Ибрагимов в своей статье приводит цитаты из «письма», адресованного К.Насыри и содержащего оскорбления и критику его календарей [2, б. 3]. Автор показывает, что с К.Насыри не просто спорили (мол, неправильно обозначил время восхода в своих календарях), а его оскорбляли, называли «глупцом» и «неграмотным». При этом надо отметить, что данное письмо было получено К.Насыри в начале 1880-х гг., которое он опубликовал в своем календаре в 1883 г. [8, б. 66]. Однако было бы не совсем верно распространять такое отношение к деятельности К.Насыри (на самом деле взгляд одного или нескольких анонимных лиц) на все татарское сообщество и на длительный промежуток времени. Очевидно, что в 1890–1900-е гг. восприятие наследия К.Насыри в общественном сознании татарского общества было другим. Но в тексте Г.Ибрагимова и его последователей разные периоды объединяются в одну – «невежественную» – эпоху.

Эту же линию представляет в своей статье и Г.Баимбетов в газете «Эшче» [1, б. 1]. Он отмечает, что Насыри «не смог достучаться до простых, малообразованных слоев». При этом его противниками были представители мусульманского духовенства (т.е. по умолчанию, на самом деле, люди достаточно образованные), они же – хранители «старого порядка». Оскорбительными выражениями в адрес К.Насыри были обозначены «слепой Каюм – миссионер» (*«Суқыр Каюм – миссионер»*) и «иноверец» (*кәфер*). Как утверждает автор, по этой причине после смерти К.Насыри большая часть татар-горожан отказалась идти на его похороны и почтить память [1, б. 1]. При этом сам Г.Баимбетов вряд ли мог видеть это событие лично, т.к. он, будучи уроженцем татарской деревни Чекмагушево Белебеевского уезда Уфимской губернии, приехал в Казань лишь в 1904 г. [4, с. 240], т.е. спустя два года после смерти К.Насыри. Кстати, остальные ав-

торы тоже пишут о похоронах К.Насыри, опираясь лишь на какие-то устные сведения других лиц. Г.Ибрагимов, как известно, в 1902 г. учился в медресе в Оренбурге, а казанцу Г.Рахиму тогда было всего 7 лет.

Воспоминания М.Курбангалиева от 1925 г. акцентируют внимание читателей не только на деятельности К.Насыри в области татарского языкознания, но и представляют собой описание незатейливого быта героя. Несмотря на «простую» квартиру, отличную от жилья чиновников учебного ведомства, воспитанник учительской школы М.Курбангалиев принял К.Насыри сначала за «лакея», т.е. прислугу хозяина [7, б. 3]. Этот эпизод интересен не только тем, что описывает детали быта К.Насыри, но и стремлением самого автора мемуаров представить социально-экономический статус героя на одном уровне с трудящимися массами.

В свете новых ценностных установок советские органы власти умело использовали образ Каюма Насыри. Он представлен как борец за «светлое и свободное будущее», а основными инструментами его борьбы выступали знания и стремление к просвещению. Прошлое было названо «дремучим» (*«үткән тарихының иске караңгы хәлләрен»*), и прозвучали призывы его «сломать», чтобы продвинуться хотя бы на шаг вперед к свету (Каюм, 1925, б. 113). В этих статьях также писали о том, что целью ученого было приобщение татар к светским наукам (история, география, математика, естествознание).

Авторы раннесоветского периода указывали на то, что татарское общество не сразу оценило эту работу. Например, Г.Баимбетов пишет о К.Насыри с сожалением, что в эпоху перемен он терпел гонения, пребывал в подавленном состоянии и ушел в мир иной, не сказав свое слово (*«Чор алмашына ифрат кыйналып. Ямь тапмый, тәм тапмый. Әйтер сүзен әйтми үлде»*) (Каюм, 1925, б. 113). Это еще одно противоречивое заявление, т.к. оно отрицает письменное наследие К.Насыри (ведь он так и «не сказал свое слово»). Таким образом, раскрывая душевное состояние ученого, публицисты иногда противоречат своим же тезисам. Если Г.Баимбетов рассуждает о невостребованности К.Насыри при его жизни, то в февральском выпуске журнала «Безнең юл» (1922 г.) он рассматривает период после его смерти. Автор с горечью отмечает, что даже в период расцвета джадидизма для «хадима» (мудреца) Насыри не нашлось места, и его труды лишь изредка публиковались («Безнең юл», 1922, б. 47).

Также обращает на себя внимание следующая аналогия. В публикациях 1920-х гг. К.Насыри чаще обозначается как «Каюм бабай», т.е. «дедушка Каюм». В татарской советской культуре в дальнейшем будет еще один такой образ – это «Ленин бабай» («дедушка Ленин»). Характерно, что в публикации 1925 г. М.Курбангалиев обозначает эту связь и аналогию между двумя «дедушками» и их «заветами». Он обещает, что будет работать днем и ночью, чтобы построить коммунизм, как завещал В.И. Ленин, а произведения К.Насыри станут его «острым орудием» в этом деле (Курбангалиев, 2017, б. 502).

Заключение. Таким образом, в биографии Каюма Насыри как героя для новой советской татарской культуры было несколько реперных точек. Во-первых, это конфликт старого и нового, непонимание героя большинством. Во-вторых, его стремление вперед и постоянный труд. В-третьих, преодоление конфликта, но уже после смерти героя, неизбежное наступление рассвета и пробуждение нации. «Каюм бабай», «слуга татарского народа», «борец за свет и знание», «просветитель народа» – такими эпитетами чащи обозначался К.Насыри в советской татарской печати 1920-х гг. Основные публикации о нем печатались в журнале «Безнең юл», в газетах «Эшче» и «Кызыл Татарстан», а также в «Татарских календарях».

В них акцентировалось внимание на научных знаниях, к которым К.Насыри хотел приобщить татар: истории, географии, математике, естествознанию. Главным каналом распространения этих знаний считались его календари, а также многочисленные книги. Периодические издания писали о его противоречивых отношениях с муллами и купцами («баями»), называя последних хранителями «старого порядка», а К.Насыри – адептом «русско-европейских наук». Авторы объясняли эти противоречия классовыми интересами. В публикациях подчеркивалось, что он был народным ученым, заложившим основы «пробуждения народа», а также его близость с идеями нового советского государства. Впоследствии эти интерпретации стали основой для последующего формирования официального образа К.Насыри. Мероприятия в честь юбилейных дат в 1922 и 1925 гг. (в том числе постоянные публикации в прессе), а также в последующее время закрепили «Каюм бабай» в татарской культуре как символа новых знаний и культурного обновления татарского народа.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Баембитов Г.* Каюм Насыйрига 100 ел тулу белән (1825–1925) // Эшче. 1925. 15 февраль.
2. *Ибраһимов Г.* Каюм бабаның йөз еллыгы // Кызыл Татарстан. 1925. 15 февраль.
3. *Ибраһимов Г.* Каюм Насыйриның вафатына егерме ел тула // Татарстан. 1922. 19 май.
4. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2005. 256 с.

5. Каюм Насыри: Биобиблиографик күрсәткеч / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: ТР ФА М.Х. Хасәнов исемендәге Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2024. 160 б.
6. Каюм Насыри: иллюстрацияле персональ энциклопедия / төз.-авт. Р.В. Шәйдуллин һ.б. Казан: М.Хасәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2025. 500 б.
7. *Корбанғалиев М.* Каюм Насыри турында истәлекләр // Кызыл Татарстан. 1925. 15 февраль.
8. *Рәхим Г.* Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Казан: ТӘҺСИ, 2020. № 9. Б. 42–81.
9. *Рәхим Г.* Каюм Насыриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Казан: ТӘҺСИ, 2020. № 9. Б. 81–88.
10. Татар Календаре 1923 ел өчен. Казань: Типография Татпечати им. Камиля Якуба. 1923. 107 б.
11. Татар Календаре 1924 ел өчен. Казань: Типография Татпечати им. Камиля Якуба. 1924. 165 б.
12. Татарская периодическая печать: научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Иман, 2002. 190 с.
- «Безнең юл» идарәсе. Каюм бабаның вафатына егерме ел тулу ядкаре // Безнең юл. 1922. № 2. Б. 46–47.
- Гайнуллин М.Х.* Каюм Насыри: очерки жизни и творчества. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 48 с.
- Загидуллин И.К.* Великий татарский просветитель Каюм Насыри. Казань: Татар. кн. изд-во, 2024. 319 с.
- Ибраһимов Г.* Каюм бабаның йөз еллыгы // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жьентык / фәнни мөх. Ж.Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 331–340.
- Каюм Насыри бабага йөз ел // Безнең юл. 1925. № 3. Б. 112–113.
- Каюм Насыри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга / ред. һәйят. Казан: ТССЖ дәүләт нәшр., 1922. 160 б.
- Каюм Насыри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жьентык / фәнни мөх. Ж.Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. 816 б.
- Каюмова Г.И., Бадрутдинова Ф.Р.* «Каюм Насыри» драмасында тарихи шәхесләрнең әдәби образлары // Языки и культуры народов Татарстана. Каюм Насыри. Казань: АН РТ, 2024. С. 48–63.
- Корбанғалиев М.* Каюм Насыри турында истәлекләр // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жьентык / фәнни мөх. Ж.С. Миңнуллин; төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 497–502.
- Миннулина Л.З.* Татарские печатные календари XIX – начала XX вв. Казань: Заман, 2015. 176 с.
- Рәхим Г.* Насыриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Безнең юл. 1922. № 3. Б. 56–62.

Фахрутдинов Р.Р. Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX вв.: историография проблемы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 82–108.

Хабибуллина Д.А. Историко-культурное наследие Каюма Насыри: вопросы хронологии и формирование юбилейной практики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 67–77.

Шерстюков С.А. Панисламизм в трактовке большевиков: освободительное движение, угроза или выдумка? (1917–1924) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 101–106.

REFERENCES

Arsharyni A., Gabidullin Kh. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Kazan: Iman, 2002. 190 p. (In Russian)

Bezneng Yul Administration. In Memory of the 20th Anniversary of Kayum Babay's Death. *Bezneng Yul*. 1922, no. 2, pp. 46–47. (In Tatar)

Gainullin M.Kh. *Kayum Nasyri: Essays on His Life and Work*. Kazan: Tatar book Publ., 1975. 48 p. (In Russian)

Zagidullin I.K. *Great Tatar Enlightener Kayum Nasyri*. Kazan: Tatar book Publ., 2024. 319 p. (In Russian)

Ibragimov G. Centenary of Kayum Babay. *Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection*. Exec. Ed. J. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. Pp. 331–340. (In Tatar)

100 Years to Kayum Nasyri Babay. *Bezneng Yul*. 1925, no. 3, pp. 112–113. (In Tatar)

Collection of Kayum Nasyri. Published on the Occasion of the 20th Anniversary of His Death. Kazan: Tatgosizdat, 1922. 160 p. (In Tatar)

Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection. Exec. Ed. J. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. 816 p. (In Tatar)

Kayumova G.I., Badrutdinova F.R. Literary Images of Historical Figures in the Drama "Kayum Nasyri". *Languages and Cultures of the Peoples of Tatarstan. Kayum Nasyri*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2024. Pp. 48–63. (In Russian)

Kurbangaliev M. Memoirs of Kayum Nasyri. *Kayum Nasyri: Literary-Historical and Documentary-Biographical Collection*. Exec. Ed. J.S. Minnullin; Comp. R.F. Islamov. Kazan: Jiyen, 2017. Pp. 497–502. (In Tatar)

Minnulina L.Z. *Tatar Printed Calendars of the 19th – Early 20th Centuries*. Kazan: Zaman, 2015. 176 p. (In Russian)

Rakhim G. Supplement to Nasyri's Biography. *Bezneng Yul*. 1922, no. 3, pp. 56–62. (In Tatar)

Fakhрутдинов Р.Р. Tatar Socio-Political Movement in the Late 19th – early 20th Centuries: Historiography of the Problem. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2006, no. 1, pp. 82–108. (In Russian)

Khabibullina D.A. Historical and Cultural Heritage of Kayum Nasyri: Chronological Issues and Formation of Jubilee Practice. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series*. 2025, vol. 167, no. 2, pp. 67–77. (In Russian)

Sherstyukov S.A. Pan-Islamism in the Interpretation of the Bolsheviks: Liberation Movement, Threat, or Fiction? (1917–1924). *Tomsk State University Journal of History*. 2021, no. 72, pp. 101–106. (In Russian)

Информация об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Садриев Фаниль Рафисович – аспирант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-7868-5391>; e-mail: Linaf1999@mail.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrarifkova – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Fanil R. Sadriev – Postgraduate Student, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-7868-5391>; e-mail: Linaf1999@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 09.02.2026

Принята к публикации / Accepted 06.03.2026